

«Принцесса Грёза»:
между литературным образом
и историческим персонажем

Светлана И. Лучицкая
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
odysseus@gmail.com

Аннотация. Статья представляет собой попытку реконструкции исторического контекста известной в средневековой литературе легенды, которая возникла на основе стихов о «дальней любви» (*amor de lohn*) провансальского поэта Джауфре Рюделя. Романтический сюжет о трубадуре, который влюбился в Прекрасную Даму, обрел необычайную популярность у романтиков XIX в. Он был переработан в целом ряде литературных произведений разного жанра – от стихов Франческо Петрарки, Генриха Гейне, Людвиг Уланда, до пьесы Эдмона де Ростана «Дальняя принцесса» (*La Princesse Lointaine*), в русском переводе получившей название «Принцесса Грёза». Впервые «Дальняя Принцесса», в которую якобы был заочно влюблен поэт, была отождествлена с «графиней Триполитанской» в середине XIII в. в *vida* трубадура. Затем этот сюжет много раз воспроизводился в литературных памятниках, включая произведения романтиков XIX–XX вв. Избегая традиционной для литературоведов дискуссии, в которой обсуждается вопрос о том, считать ли «графиню Триполитанскую» вымышленной фигурой или историческим персонажем, автор статьи стремится выявить те события и факты в истории Триполитанского дома и его представителей, которые могли быть переосмыслены в народном воображении и исторической памяти в процессе создания легенды.

Ключевые слова: поэзия трубадуров, Джауфре Рюдель, *amor de lohn*, история Триполитанского графства

Для цитирования: Лучицкая С.И. «Принцесса Грёза»: между литературным образом и историческим персонажем // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 32–49. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-32-49

“La Princesse Lointaine”.
Between literary image and historical character

Svetlana I. Luchitskaya

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, odysseus@gmail.com*

This article attempts to reconstruct the historical context in which the well-known verses on “distant love” (*amor de lohn*), composed by the Provençal poet Jaufré Rudel, gave rise to a legend that became popular in medieval literature. A romantic story about a troubadour who fell in love with a Beautiful Lady gained extraordinary popularity among the romantics of the 19th century. It was used in a number of literary works of various genres – from the poems of Francesco Petrarca, Heinrich Heine, Ludwig Uhland, to Edmond Rostand’s play “The Distant Princess” (*La Princesse Lointaine*). For the first time the *Distant Princess*, with whom the troubadour supposedly fell in love without ever seeing her, was identified with the *Countess of Tripoli* in the legendary *vida* of the troubadour dating from the mid-13th century. Later, we see the story repeated many times in the literary monuments including the works of romantics of the 19th and 20th centuries. Traditionally, literary scholars debate the question whether the *Countess of Tripoli* should be considered as a fictitious character or a historical figure. Avoiding that dispute, the author seeks to single out those events and facts in the history of the house of Tripoli and its members that could be reinterpreted in the folk imagination and historical memory

Keywords: troubadour poetry, Jaufré Rudel, *amor de lohn*, history of the County of Tripoli

For citation: Luchitskaya, S.I. (2022), “ ‘La Princesse Lointaine’. Between literary image and historical character”, *RSSU/RGGU Bulletin “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4. p. 32–49, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-4-32-49

Эта история была рассказана в одном из «жизнеописаний трубадуров» (*vidas desl trobadros*): «Джауфре Рудель, сеньор Блайи, был муж весьма знатный. Заочно полюбил он графиню Триполитанскую, по одним лишь добрым слухам о ее куртуазности, шедших от пилигримов, возвращавшихся домой из Антиохии. И сложил он о ней множество песен, и напевы их были очень хорошие, но слова простые. И так хотел он узреть ее, что отправился в крестовый поход и пустился плыть по морю. На корабле одолела его тяжкая болезнь, так что бывшие с ним считали его уже умершим и, доставивши в Триполи, как мертвого, положили в странноприимном

доме. Графине же дали знать об этом, и она пришла к нему, к самому его ложу, и заключила в свои объятия. Сразу узнал он, что то сама графиня, и вернулись к нему слух и чувства. И воздал он славу Господу за то, что сохранилась ему жизнь, пока он ее не узрел. И так он и умер у нее на руках. И повелела она похоронить его с великими почестями при храме тамплиеров, сама же по великой горести о нем в тот же день постриглась в монахини»¹.

Романтический сюжет о провансальском трубадуре, который по рассказам паломников влюбился в Прекрасную Даму, обрел необычайную популярность у романтиков XIX в. Он был переработан в целом ряде литературных произведений разного жанра – от стихов Франческо Петрарки, Генриха Гейне, Людвиг Уланда, Джозуэ Кардуччи до пьесы Эдмона де Ростана «Дальняя принцесса» (*La Princesse Lointaine*), в русском переводе получившей название «Принцесса Грёза». Художник Михаил Врубель посвятил этой теме живописное полотно, а позже повторившее картину майоликовое панно было размещено на фронтоне гостиницы «Метрополь».

О самом же провансальском поэте, с которым связана легенда, сохранилось немного сведений. Джауфре Рюдель (ум. ок. 1170), действительно, сочинял стихи и музыкальные мелодии, в которых постоянно звучит одна и та же тема. Поэт воспекает Прекрасную Даму, вдохновляющую его на стихи, и свое безнадежное чувство к ней. Об этом рассказывает и самое известное его сочинение, начинающееся традиционным «весенним запевом»: «Длиннее дни, алей рассвет, / Нежнее пенье птицы дальней, / Май наступил – спешу я вслед / За сладостной любовью дальней» (ст. 1–4)². Как всегда в куртуазной поэзии, речь идет об идеальной любви к недоступной даме. Но в стихах Джауфре Рюделя эта любовь неосуществима еще и потому, что возлюбленная поэта находится в «дальнем крае», возможно, в Святой Земле, и меж ними «тысячи лежат / шагов, дорог, иных преград» (ст. 25–26). Любовь к «Дальней даме» побуждает провансальского поэта покинуть свой край и отправиться в паломничество ради одного лишь ее взгляда. Куртуазное поклонение

¹ “Jaufre Rudel de Blaia si fo molt gentils hom, princeps de Blaia; & enamoret se de la comtessa de Tripoli, ses vezer...”: Les biographies des troubadours en langue provençale / Éd. C. Chabaneau. Genève: Slatkine Reprints, 1975. P. 10. Перевод дан по изданию: Жизнеописания трубадуров / Сост. М.Б. Мейлах. М.: Наука, 1993. С. 9–20.

² “Lanquan li jorn son lonc e may / M'es belhs dous chans d'auzelhs de lonh, / E quan mi suy partitz de lay, / Remembra'm d'un' amor de lonh”. Оригинал стихов см.: *Jeanroy A. Les chansons de Jaufré Rudel*. Paris: Édouard Champion, 1915. P. 12–15. Здесь и далее перевод М.Б. Мейлаха.



Рис. 1

избраннице уподобляется почти религиозному служению: «С Творцом, создавшим тьму и свет, / Любви не позабывши дальней, / Я в сердце заключил завет, / Чтоб дал свиданье с Дамой дальней» (ст. 36–39). Джауфре Рюдель, сочинив эти стихи, по существу стал родоначальником нового жанра куртуазной поэзии – о «дальней любви» (*amor de lohn*), а его яркий текст положил начало легенде о *Princesse Lointaine* [Мейлах 1990, с. 399–402]. Собственно, кроме этих и других стихов, воспевающих идеальную возлюбленную, трубадур нам ничего не оставил. Но примерно через полвека после кончины Джауфре Руделя автор его биографии, процитированной выше, рассказал, что поэт отправился в крестовый поход с тем, чтобы увидеть даму сердца – графиню Триполитанскую, на руках которой скончался³ (рис. 1). Еще приблизительно через 300 лет легенда о возвышенной любви трубадура была пересказана в новом жизнеописании Жана де Нострада, где обогатилась новыми деталями: в частности, согласно новой *vida*, встреча Джауфре Руделя с «Дальней Дамой» произошла в 1162 г., графиня пришла на корабль проститься с поэтом, а после кончины певца любви похоронила его в роскошной гробнице из порфира и надолго пережила своего воздыхателя⁴.

³ Эпизод смерти поэта запечатлен на миниатюре XIII в. в сборнике песен трубадуров (Ms.fr. 854, f. 121v). См. рис. 1.

⁴ Жизнеописания трубадуров. С. 267.

Конечно, было бы слишком наивно воспринимать рассказы средневековых писателей о романтической любви трубадура буквально, но факт остается фактом – через полвека после смерти Джауфре Рюделя его стихи оказались связаны с упомянутой в *vida* романтической историей и идеальная возлюбленная поэта была «привязана» к неопределенному историческому персонажу, а еще через несколько веков эта ассоциация была закреплена.

Как известно, вопрос о достоверности *vidas* является предметом дискуссий в литературоведении. Упрощая, можно было бы сказать, что одни исследователи провансальской литературы рассматривают их как плод фантазии, а «графиню Триполитанскую» считают вымышленной фигурой; другие видят в них исторический документ и пытаются отождествить «дальнюю Даму» с представительницами дома Триполи⁵ и даже с Альенор Аквитанской⁶.

На деле ситуация, конечно, несколько сложнее. В конце XIX в. Гастон Парис, считавший сюжет о романтической заочной любви трубадура позднейшей интерполяцией неизвестного менестреля⁷, настаивал на неисторичности *vida* Джауфре Рюделя, но при этом аргументировал свою точку зрения тем, что сообщаемые в ней факты не соответствуют биографии графини Триполитанской Одьерны, с которой знаменитый литературовед все-таки отождествил возлюбленную поэта. Позже его точка зрения критиковалась филологом-романистом Марио Казелла, который упрекал Г. Париса в позитивизме – попытке рассматривать песни трубадуров как автобиографический документ. М. Казелла полагал, что на самом деле воспеваемая в стихах провансальского поэта «дальняя Даму» – всего лишь идеальный образ, созданный в стихах, а тему “*amor de lohn*” следует интерпретировать как мотив духовных исканий трубадура [Casella 1938, pp. 153–199].

Такой метафорический подход к тексту открывал простор для поисков самых разных смыслов в стихах провансальского поэта, при этом вопрос об историчности сведений *vidas* отступал на второй план. Например, Грейс Фрэнк полагала, что *amor de lohn* – это прежде всего любовь к Святой Земле, персонифицированная в любви к Дальней Даме [Frank 1942, pp. 528–534]. Ей возражал

⁵ Diez F.C. *Leben und Werke der Troubadours*. Zwickau: Gebrüder Schumann, 1829. P. 46–53; *Carducci G. Jaufre Rudel*. Bologna: Nicola Zanichelli, 1888. P. 42–44.

⁶ *Monaci E. Ancora di Jaufre Rudel*. Roma: Tip. della R. Accademia dei Lincei, 1894. 19 p.

⁷ *Paris G. Jaufre Rudel // Revue historique*. 1893. Vol. 53. P. 225–255.

Лео Шпитцер, для которого «дальняя Дама» не что иное, как средневековая аллегория любви, образ, инспирированный западнохристианской мистикой (от Августина до св. Бернара), а стихи Джауфре Рюделя воплощают извечный *paradoxe amoureux* – конфликт между страстью и недостижимым идеалом [Spitzer 1944, pp. 1–74]⁸. С другой стороны, еще до этих споров Карл Аппель пытался доказать, что мотив «любви к дальней земле» означает не только и даже не столько «любовь в дальнем крае», сколько «далекую от земной любовь» (*erdenferne Liebe*) и что здесь мы имеем дело с присущим лирике трубадуров переносом представлений и образов земной любви на «небесную возлюбленную и госпожу» – Деву Марию⁹.

Другие филологи, обращаясь к анализу стихотворного языка, полагают, что мотив *amor de lohn* представляет собой своего рода литературное клише. Известный романист Олин Мур полагал, что речь идет не более чем о конвенциональном приеме, которым широко пользовались трубадуры¹⁰. А совсем недавно каталонский исследователь Пау Жерез Алум пошел еще дальше, полагая, что мотив «дальней любви» является универсальным литературным топосом и встречается у многих поэтов – от Гомера и Овидия до средневековых поэтов, Петрарки, Рэмбо и др. [Alum 2006].

Споры о том, как истолковать созданный поэтом образ «дальней любви» и как внутренняя жизнь поэта была связана с его внешней биографией, ведутся давно, и палитра мнений чрезвычайно разнообразна. Но задача этой статьи не в том, чтобы представить весь спектр суждений, высказанных филологами-романистами. Если отвлечься от всех аллегорических и метафорических ассоциаций, вызванных поэзией трубадура, можно обсудить тему, интересную для историка: почему, собственно, возникла связь между стихами Джауфре Рюделя и мифом о «графине Триполитанской»? Есть ли какие-то основания для такой ассоциации? Отставив вопрос о достоверности *vidas*, стоит задаться вопросом о том, какие факты и события легли в основу этого мифа, какие исторические реалии могли быть переосмыслены в романтическом сюжете о заочной любви трубадура к «графине Триполитанской»? Как возникла эта легенда и можно ли видеть в ней отражение реальности?

⁸ Итоги дискуссии на том этапе подвела в своей статье Грейс Фрэнк, ратуя за плюралистический подход: [Frank 1944, pp. 526–531].

⁹ Appel C. Wiederum zu Jaufre Rudel // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. 1901. Bd. 107. P. 343.

¹⁰ Moore O.H. Jaufré Rudel and the Lady of Dreams // Publications of the Modern Language Association. 1914. Vol. 29. No. 4. P. 517.

Вот факты. Известно, что связь поэта со Святой Землей была отнюдь не виртуальной. Подтверждение тому – стихи трубадура Маркабрюна, обращенные к другу, который находится за морем (*oltra mar*)¹¹. Мы вправе предположить, что Джауфре Рюдель был в Святой Земле даже дважды, если поверим Жану де Нострадаму, по мнению которого смерть настигла поэта в Триполитанском графстве в 1162 г.¹² Упоминание этого государства крестоносцев в *vidas* в связи с провансальским поэтом вовсе не так уж случайно, на что впервые указал М. Баррингтон [Barrington 1953, p. 60]. Ведь Джауфре Рюдель отправился в Святую Землю в свите графа Тулузы Альфонса Журдена, который, кстати, был двоюродным дедом тогдашнего правителя Триполитанского графства Раймунда II. Связи между домами Триполи и Тулузы были чрезвычайно крепкими – все-таки основателем обеих династий был Раймунд IV Сен-Жильский, один из главных вождей Первого крестового похода. Интересно, что у графа Триполи Понса и его сына Раймунда II в силу их происхождения от знаменитого крестоносца даже были владения на юге Франции в графстве Велэ [Lewis 2017, p. 79]. Да и провансальские паломники недаром отправлялись в Святую Землю из порта Сен-Жиль. Истории известен и такой любопытный факт, как попытка в 1148 г. незаконнорожденного сына Альфонса Журдена Бертрана Тулузского свергнуть с престола Раймунда II Триполитанского. Наконец, в высшей степени примечательно и присутствие провансальских поэтов при дворе триполитанских графов. Хотя имя Джауфре Руделя в этой связи не упоминается, но зато его соотечественник Пейре Видаль пел о Провансе при дворе Раймунда III незадолго до завоевания Иерусалима Саладином [Paterson 2018, p. 43]. Столь глубокие и давние связи между Провансом и Триполи могут объяснять тот факт, что в *vidas* фигурирует именно графство Триполитанское, а не, скажем, Иерусалимское королевство или княжество Антиохии, откуда были рассказавшие о любви трубадура пилигримы.

Как мы знаем, упомянутая в *vidas* «графиня Триполитанская» не названа по имени. Но есть основание считать, что ее прообразом могла послужить Одиерна, супруга графа Раймунда II. Ведь во время Второго крестового похода в фокусе всех событий, которые происходили в графстве, была именно она. И вообще Одиерна играла довольно заметную роль в политической жизни этого государства крестоносцев и была наиболее известной из всех представительниц триполитанской аристократии. Неслучай-

¹¹ *Jeanroy A. Op. cit. P. 9.*

¹² *Жизнеописания трубадуrows. С. 267.*

но именно с ней многие исследователи отождествляли героиню «Жизнеописаний трубадуров»¹³.

Примечательно, что самая знаменитая триполитанская графиня предстает в средневековых источниках в разных ипостасях, и прежде всего как член большого королевского клана. В самом деле, Одиерна – принцесса крови, и происходила из семьи иерусалимского короля Бодуэна II де Бурка (1118–1131), супругой которого была дочь армянского правителя Мелитены Морфия (табл. 1). В семье было четыре дочери: самая старшая Мелизанда (род. 1105), ее сестры – Алиса (род. 1110), наша героиня Одиерна (род. между 1115 и 1117 г.) и самая младшая – Иветта (род. 1118). Наиболее известной из сестер была, бесспорно, Мелизанда, которая после смерти отца долгое время фактически единолично правила Иерусалимским королевством, оттеснив сначала своего мужа, а потом сына, который лишь после тяжелого конфликта с матерью взобрался на престол под именем Бодуэна III [Mauger 1972, p. 100]. Из хроник известно, что у Одиерны были очень теплые отношения со знаменитой Мелизандой: когда в конце жизни иерусалимская королева тяжело заболела, графиня Триполитанская самоотверженно ухаживала за ней¹⁴. Другая старшая сестра Одиерны – Алиса – стала супругой князя Антиохии Боэмунда II, а после его смерти в 1131 г. пыталась захватить власть в княжестве, но потерпела фиаско [Asbridge 2003, pp. 29–47]. Вообще обе старшие сестры ярко проявили себя в политике и затмевали своих младших сестер, о которых сохранилось значительно меньше свидетельств. Так, о самой младшей (Иветте) известно лишь то, что она еще в детстве приняла монашеский обет¹⁵. Но все же об Одиерне, которая может претендовать на роль мифологической «графини Триполитанской», мы кое-что узнаем из сочинений хронистов.

Они же, в частности, сообщают, что в конце 30-х гг. XII в. Одиерна вышла замуж за Раймунда II, правителя Триполитанского графства – государства меньшего по размерам, чем Антиохийское княжество или Иерусалимское королевство, но все же весьма значительного. Супруг Одиерны был, по отзывам современников, красивейшим из принцев, отличался изящными манерами и принадлежал к «славному роду» (*egregii sanguinis*)¹⁶: его отцом был

¹³ Paris G. Op. cit. P. 225–230. См. также [Barrington 1953, p. 65; Lewis 2013].

¹⁴ *Guillaume de Tyr. Chroniques / Éd. R.B.C. Huygens. Turnhout: Brepols, 1986. P. 851.*

¹⁵ *Jordan E.L. Hostage, sister, Abbess. The Life of Iveta of Jerusalem // Medieval Prosopography. History and Collective Biography / Ed. by G.T. Beech, A.V. Murray et al. 2017. Vol. 32. P. 66–86.*

¹⁶ *Guillaume de Tyr. Chroniques. P. 659.*

граф Триполи Понс, происходивший из династии, основанной уже упомянутым графом Тулузы Раймундом IV Сен-Жильским, а его матерью – Сесиль Французская, дочь французского короля Филиппа I (табл. 2). В 1140 г. у Одиерны и Раймунда II родился сын – будущий Раймунд III, а позже и дочь Мелизанда, названная в честь своей амбициозной тетушки. О семейной жизни графини хронисты мало что рассказывают, но все же известно, что ее брак с Раймундом II не был счастливым. Возможно, красота Одиерны и внимание к ней со стороны мужчин могло быть причиной ревности мужа. Важно также то, что, как и ее сестры, графиня Триполитанская была весьма независимой и часто конфликтовала с Раймундом II. Хотя тот и был весьма знатного происхождения, все же Одиерна была королевских кровей и в этом отношении превосходила своего мужа¹⁷. В 1152 г. между супругами вспыхнула столь сильная «вражда, порожденная ревностью», что в дело должны были вмешаться родственники¹⁸. Как раз в это время в Триполи находились королева Мелизанда и ее венценосный сын Бодуэн III, которые прибыли туда обсудить ряд государственных дел, связанных с судьбой Антиохийского княжества. На семейном совете члены королевского клана пытались уладить семейную ссору, но было решено, что Одиерне лучше на время перебраться в Иерусалим к старшей сестре [Hodgson 2007, p. 140]. Но когда, проводив жену, Раймунд II возвращался домой, то прямо у ворот Триполи на него с двух сторон напали ассасины и нанесли смертельные удары мечами¹⁹. Племянник Одиерны – иерусалимский король Бодуэн III срочно вызвал свою тетю в Триполи, и они вместе стали хлопотать о скорейшей передаче власти в графстве. Именно Бодуэн III вынудил триполитанскую знать присягнуть оставшимся членам графской семьи – Одиерне и двум ее детям²⁰. Это был очень важный ход, ибо как раз в то время, как мы помним, государству крестоносцев угрожал сын уже упомянутого крестоносца Альфонсо Журдена Бертран: захватив близлежащую к столице крепость Арейме, он был готов штурмовать Триполи. Тулузские родичи Раймунда II были не прочь воцариться на триполитанском престоле, но королевский клан во главе с Бодуэном III помешал этим планам, и в этом, как предполагают, не

¹⁷ По словам Гийома Тирского, род Раймунда II был менее значительным – “uno gradu inferior” (Ibid. P. 956).

¹⁸ “...Inter dominum comitem et eius uxorem... ex zelo maritali orta similtas”: Ibid. P. 786.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 787.

последнюю роль сыграли Мелизанда и Одиерна, которые, видимо, подстроили захват Бертрана в мусульманский плен [Lewis 2017, pp. 152–160]. В результате всех перипетий Одиерна с сыном и дочерью стала править в Триполитанском графстве, однако давние связи Триполи и Тулузы, казалось, были окончательно разорваны. Одиерна вершила все дела в государстве на правах регента вплоть до 1155 г., когда вся полнота власти перешла ее сыну Раймунду III, который впоследствии стал весьма заметной политической фигурой латинского Востока.

Для нас важно, что новый граф занимался не только государственными делами, но и был патроном литературы, ибо при его дворе собирались поэты, в том числе уже упомянутый провансальский трубадур Пейре Видаля [Paterson 2018, p. 69]. Тот прибыл как паломник в Святую Землю в 80-е гг. XII в. и в Триполи сочинил несколько песен, в которых воспевал Прованс и предавался ностальгическим чувствам по родине. Появление Пейре Видаля в Святой Земле было, видимо, на руку представителям триполитанской династии. Надо иметь в виду, что, несмотря на ожесточенные конфликты, графство продолжало претендовать на окситанское наследство, и в последние годы своего правления Раймунд III настойчиво пытался объединить Триполи и Тулузу и восстановить утраченные контакты [Lewis 2017, pp. 261–264].

При этом сам Раймунд III, в отличие от своих предшественников, не ограничивал сферу своей политической деятельности графством Триполи, но и активно вмешивался в политику Иерусалимского королевства. В последней четверти XII в. он дважды был регентом малолетних королей – сначала короля Бодуэна IV Прокаженного (1174–1185), а затем его племянника Бодуэна V (1185–1186). Высокое происхождение Раймунда III помогало ему преуспевать при иерусалимском дворе. По линии отца он был потомком легендарного Раймунда Сен-Жильского и к тому же правнуком французского короля Филиппа I (табл. 2). А по матери он оказывался связанным с династией иерусалимских королей: он внук иерусалимского правителя Бодуэна II, а король Бодуэн IV, при котором Раймунд III состоял регентом (1174–1177), был сыном короля Амори I – племянника Одиерны²¹. Таким образом, именно графиня Триполитанская обеспечивала для своего честолюбивого отпрыска живую династическую связь. Неслучайно Раймунд III лелеял мечты взойти на иерусалимский престол и в последние

²¹ По собственным словам Раймунда III, он был самым близким ему кровным родственником и к тому же самым богатым и могущественным и богатым из всех подданных короля (Ibid. P. 963).

годы существования государства крестоносцев возглавлял одну из придворных группировок, боровшихся за власть. Во главе другой стоял французский рыцарь Ги де Лузиньян, которому удалось обойти сына Одиерны и стать иерусалимским королем. Именно его граф Триполитанский, которому удалось заключить мир с Саладином, убеждал не начинать роковое сражение с мусульманами при Хиттине 4 июля 1187 г. – в нем христиане потерпели сокрушительное поражение, предопределившее завоевание мусульманами священного города Иерусалима. Самому же Раймунду III во время битвы при Хиттине удалось спастись, но современники не простили ему этот поступок. Поведение графа вызвало гнев у братьев по вере, а после его смерти многие западно-христианские писатели упрекали его в предательстве и даже подозревали, что он обратился в ислам [Lewis 2017, pp. 274–275]. Но и византийские авторы не смогли стерпеть его выходки по отношению к императору Мануилу Комнину, которому Раймунд III отомстил за неудачную помолвку своей сестры. Вот как это произошло.

Как и ее старший брат Раймунд III, дочь Одиерны тоже осталась в истории. В 1161 г. к ней посватался византийский император Мануил I Комнин. В Триполи из Константинополя прибыли послы от только что овдовевшего василевса. Они обратились к Бодуэну III с просьбой выбрать из его рода (*de sanguine tuo*) невесту для своего государя. Иерусалимский король предложил кандидатуру Мелизанды – «девушки прекрасных манер» (*bone indolis adolescentulam*). Конечно, это была огромная честь для графской семьи. Одиерна, Раймунд III, тетя Мелизанды (ее тезка) радовались предстоящей свадьбе и готовили невесте богатое приданое, по роскоши превосходившее королевское (*regium luxum*): они собирали дорогие украшения, тиары из чистого золота, серебряную посуду и прочие драгоценности. Тем временем и вся триполитанская знать прибыла ко двору и, ожидая свадьбу, проводила время в пирах и развлечениях²². Собираясь сопровождать сестру в свадебном путешествии, Раймунд III построил 12 галер. Так незаметно прошел год, а торжественный кортеж все не отправлялся в Византию. Недовольный задержкой, Бодуэн III торопил греков и заодно отправил гонца в Константинополь. Тот вскоре привез письмо Мануила I Комнина, в котором император – неожиданно для всех – отказывался от брачного союза с Мелизандой. Бодуэн III, потрясенный новостью, посчитал отказ василевса большим

²² По собственным словам Раймунда III, он был самым близким ему кровным родственником и к тому же самым богатым и могущественным и богатым из всех подданных короля (Ibid. P. 856–860).

позором для своего рода (*multa ducens pro ignominia*). Дождавшись развязки сватовства, он поспешил по своим делам в Антиохию, где к своему удивлению и гневу застал другое греческое посольство, которое договаривалось уже о браке императора с княжной Марией Антиохийской [Hodgson 2007, pp. 89–91]. На все эти события самой резкой была реакция графа Раймунда III Триполитанского: вне себя от боли и гнева (*dolore cordis tactus*), он решил отомстить за сестру, и приготовленные для свадебного кортежа галеры были использованы для других целей. Собрав всех пиратов и преступников, какие только были в Триполи, граф отправил их на этих судах в разбойничий поход на Кипр, поручив им безжалостно разорять императорские земли. По словам хрониста, грабители, оставившие после себя выжженную пустыню, превзошли все ожидания Раймунда III²³.

Граф счел отказ Мануила I Комнина от брачного договора личным оскорблением своей семьи, но на деле император руководствовался политической выгодой, ибо союз с Антиохией был для Византии намного важнее союза с Триполи. Но греки стремились скрыть истинные причины отказа и придумали легенду о каком-то неизлечимом недуге Мелизанды, который якобы делал невозможным ее брак с василевсом. По словам греческого историка Иоанна Киннама, каждый раз, когда византийские триремы уже были готовы к путешествию в Константинополь, у невесты начинались «судороги, жар и синета под глазами», так что «всякий, видя, как вянет преждевременно этот цветок, проливал слезы»²⁴. На самом деле причиной того, что Мануил Комнин изменил своему слову, помимо политических соображений могла быть также молва о том, что по крайней мере один ребенок несчастной в замужестве Одиерны был внебрачным, и подозрения пали на Мелизанду²⁵. Так или иначе, вскоре после всех этих событий неудачливая невеста постриглась в монахини и скончалась. Злая судьба и ранняя смерть дочери Одиерны привлекали внимание уже средневековых авторов; неслучайно и в XIX в., и в XX в. полагавшиеся на *vidas* исследователи (Ф. Диес, Дж. Кардуччи, С. Рансимен и др.) пытались отождествить «Дальнюю Даму» из стихов Джауфре Рюделя с Мелизандой Триполитанской, хотя

²³ Ibid. P. 858.

²⁴ *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов / Пер. В.Н. Карпова. СПб: Тип. Григория Трусова, 1859. С. 231.

²⁵ *Runciman S. A History of the Crusades. Vol. 2: The Kingdom of Jerusalem and the Frankish East, 1100–1187. Cambridge: Univ. Press, 1995 (1-е изд. 1951). P. 359.*

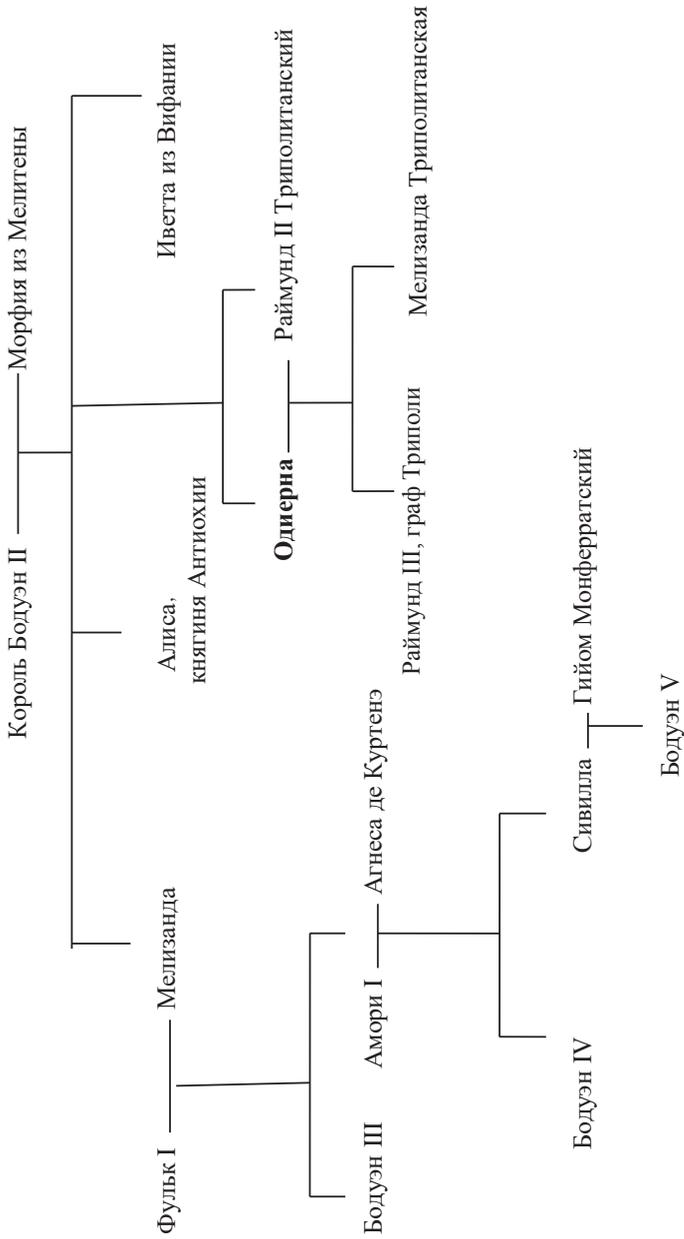
с позитивистской точки зрения эта ассоциация безосновательна. Ведь сама Мелизанда не была графиней, но всего лишь дочерью графа и сестрой графа. К тому же когда поэт как участник крестового похода был на Востоке, ей не могло быть больше восьми лет (ее старший брат Раймунд родился в 1140 г.). Тем не менее печальная история о безвременно увядшей принцессе вдохновляла романтиков XIX в., и именно в Мелизанде Триполитанской видели далекую возлюбленную поэта. Под этим именем она фигурирует в стихах Людвиг Уланда, Джозуэ Кардуччи, Генриха Гейне и в пьесе Эдмона Ростана...

Итак, мы пролистали несколько страниц истории одного из государств крестоносцев и пересказали некоторые факты из жизни триполитанской аристократии с целью реконструировать исторический контекст возникновения романтического сюжета о любви провансальского пюита к «графине Триполитанской». Как мы видели, между Провансом и Триполитанским графством существовали прочные культурные, политические и родственные связи, да и сам Джауфре Рюдель участвовал во Втором крестовом походе в свите графа Тулузы, а значит, легенда, созданная биографами и интерпретаторами куртуазной поэзии, не могла быть случайной. Несомненно, позднейшие писатели и биографы трубадуров могли что-то слышать от возвращавшихся из Святой Земли паломников о тех событиях, которые происходили в Триполитанском графстве. Хотя оно и было самым незначительным из всех государств крестоносцев, но представители триполитанского дома вели достаточно активную политическую жизнь не только в своем домене, но и за его пределами. Наиболее известными и яркими фигурами этой династии были происходившая из семьи иерусалимских королей графиня Одиерна, которой удалось затмить ее супруга Раймунда II, а также ее дети: сын Раймунд III – известный политик, игравший ключевую роль на последнем этапе существования Иерусалимского королевства, и безвременно ушедшая дочь Мелизанда, мечты которой о браке с византийским императором разбились вдребезги. Важные моменты их жизни, затрагивавшие судьбу Триполитанского графства и государств крестоносцев в целом, могли быть переосмыслены в народном воображении и исторической памяти. Пожалуй, сегодня ответ на вопрос о том, с какой из представительниц рода триполитанских графов средневековые биографы отождествляли «Дальнюю Даму» из стихов Джауфре Руделя, невозможен, да и, пожалуй, не так уж принципиален. Думается, если некоторые происходившие в графстве Триполи события и были известны посещавшим латинский Восток паломникам, то их рассказы,

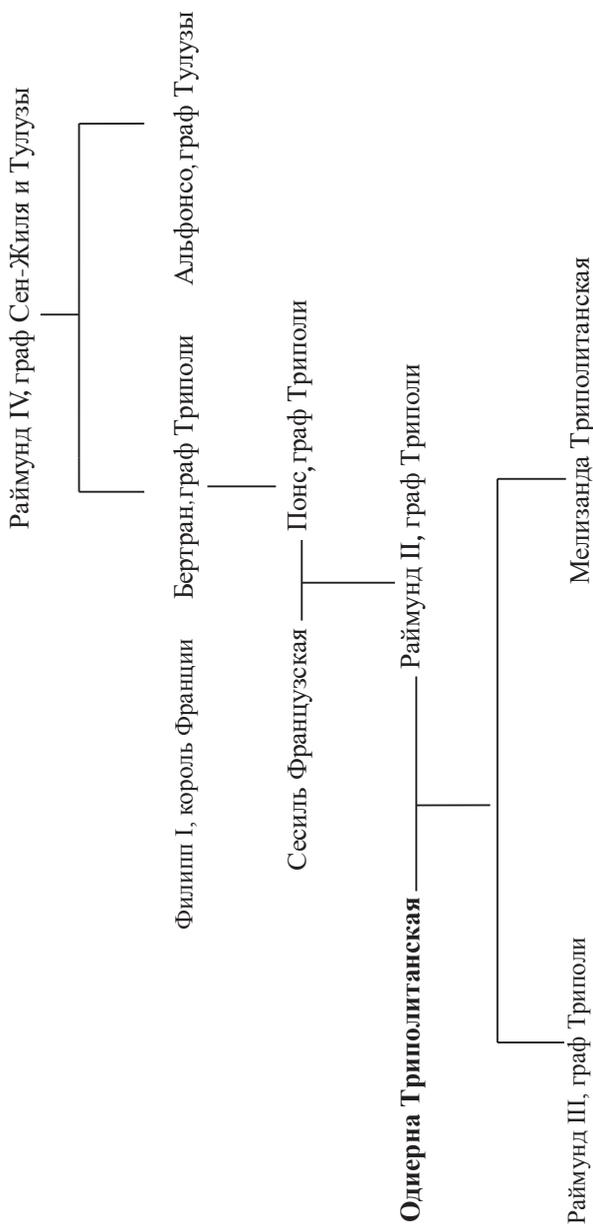
сконцентрированные вокруг нескольких символических фигур (Одиерны, Мелизанды, Раймунда III) и передаваемые из уст в уста, с течением времени становились все более смутными и неопределенными. Несомненно, происходила контаминация разных фактов, детали уступали место обобщенным сведениям; полученная из вторых рук информация существенно отличалась от первоначального источника, в рассказы паломников добавлялись новые подробности и пр. Таков, собственно, механизм функционирования устной традиции. Можно пояснить это на примере строк текста Жана де Нострада о «дальней Даме»: по его словам, она «вышла замуж за графа Триполитанского, который был причиной утраты Иерусалима, отнятого Саладином у христиан»²⁶. Здесь произошла явная путаница: если имеется в виду Раймунд III Триполитанский, при котором Саладин завоевал Иерусалим, то речь должна идти скорее не о жене, а о сестре графа – Мелизанде; если же подразумевается не Мелизанда, а Одиерна, то возникает предположение, что Нострадам перепутал Раймунда III с его отцом – Раймундом II. Подобная путаница сведений характерна для источников этого времени: так, например, королева Сивилла называлась в средневековых памятниках то женой, то сестрой короля Ги де Лузиньяна. На самом деле, вряд ли интерпретаторы творчества Джауфре Рюделя, писавшие много лет спустя после смерти поэта, хорошо помнили события истории государства крестоносцев и тем более детали биографий представителей триполитанской династии. Конечно, в своих сочинениях они поначалу подразумевали известных персонажей, имена которых (Одиерны, Мелизанды, Раймунда) когда-то были на слуху, но во времена Жана де Нострада речь шла скорее об их обобщенных безымянных образах, уже слабо связанных с действительностью. Однако создание легенды о далекой «триполитанской графине» помогло биографам трубадуров связать достаточно отвлеченные и пронизанные конвенциональными топосами стихи Джауфре Рюделя о «Дальней Даме» с неким историческим персонажем, а весьма абстрактную тему *amor de lohn* с чрезвычайно популярным мотивом о заочной любви поэта к своей возлюбленной.

²⁶ Жизнеописание трубадуров. С. 266.

Табл. 1. Иерусалимские короли



2. Графы Триполитанские



Литература

- Мейлах 1990 – *Мейлах М.Б.* Amor de lonh: «Дальняя любовь» Джауфре Рюделя: (К истории истолкования образа средневекового поэта) // *Res philologica: Филологические исследования: Памяти академика Г.В. Степанова*. М.; Л.: Наука, 1990. С. 394–402.
- Alum 2006 – *Alum P.G.* Jaufré Rudel's "love from afar" and distant love via chat; a metaphorical approach // *DigitHum*. 2006. No. 8. [S. p.]
- Asbridge 2003 – *Asbridge T.* Alice of Antioch. A case study of female power in the twelfth century // *The Experience of Crusading. Vol. 2: Defining the Crusader Kingdom* / Ed. by P. Edbury, J. Phillips. Cambridge: University Press, 2003. P. 29–47.
- Barrington 1953 – *Barrington M.* Blaye, Roland, Rudel and the Lady of Tripoli. A Study in the relation of poetry to life. A.D. 731–1950. Salisbury: Bennett Brothers. 1953. XVII; 243 p.
- Casella 1938 – *Casella M.* Poesia e storia: II, Jaufré Rudel // *Archivio Storico italiano*. 1938. Vol. 96. No. 2. P. 153–199.
- Frank 1942 – *Frank G.* The Distant Love of Jaufré Rudel // *Modern Language Notes*. 1942. Vol. 57. No 7. P. 528–534.
- Frank 1944 – *Frank G.* Jaufré Rudel, Casella and Spitzer // *Modern Language Notes*. 1944. Vol. 59. No. 8. P. 526–532.
- Hodgson 2007 – *Hodgson N.* Women, Crusading and the Holy Land in Historical Narrative. Woodbridge: Boydell Press, 2007. 284 p.
- Lewis 2013 – *Lewis K.J.* Countess Hodierna of Tripoli. From Crusader Politician to "Princesse Lointaine" // *Assuming Gender*. 2013. Vol. 2. No. 1. P. 1–26.
- Lewis 2017 – *Lewis K.J.* The Counts of Tripoli and Lebanon in the 12th century. L.; NY: Routledge, 2017. 339 p.
- Mayer 1972 – *Mayer H.E.* Studies in the History of Queen Melisende of Jerusalem // *Dumbarton Oaks Papers*. 1972. Vol. 26. P. 93–182.
- Paterson 2018 – *Paterson L.* Singing the Crusades. French and Occitan Lyric Responding to the Crusading movements 1137–1336. Cambridge: D.S. Brewer, 2018. 332 p.
- Spitzer 1944 – *Spitzer L.* L'amour lointain de Jaufré Rudel et le sens de la poésie des troubadours // *Studies in the Romance Languages and Literature*. 1944. Vol. 5. P. 1–74.

References

- Alum, P.G. (2006), "Jaufré Rudel's 'love from afar' and distant love via chat; a metaphorical approach", *DigitHum*, no. 8, [s. p.]
- Asbridge, T. (2003), "Alice of Antioch'. A case study of female power in the twelfth century", in Edbury, P. and Phillips, J. (ed.) *The Experience of Crusading. Vol. 2: Defining the Crusader Kingdom*, Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom, pp. 29–47.

- Barrington, M. (1953), *Blaye, Roland, Rudel and the Lady of Tripoli. A Study in the relation of poetry to life. A.D. 731–1950*, Bennett Brothers, Salisbury, UK.
- Casella, M. (1938), “Poesia e storia: II, Jaufré Rudel”, *Archivio Storico italiano*, vol. 96, no. 2, pp. 153–199.
- Frank, G. (1942), “The Distant Love of Jaufré Rudel”, *Modern Language Notes*, vol. 57, no. 7, pp. 528–534.
- Frank, G. (1944), “Jaufré Rudel, Casella and Spitzer”, *Modern Language Notes*, vol. 59, no. 8, pp. 526–532.
- Hodgson, N. (2007), *Women, Crusading and the Holy Land in Historical Narrative*, Boydell Press, Woodbridge, UK.
- Lewis, K.J. (2013), “Countess Hodierna of Tripoli. From Crusader Politician to ‘Princesse Lointaine’”, *Assuming Gender*, vol. 2, no. 1, pp. 1–26.
- Lewis, K.J. (2017), *The Counts of Tripoli and Lebanon in the 12th century*, Routledge, London, UK.
- Mayer, H.E. (1972), “Studies in the History of Queen Melisende of Jerusalem”, *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 26, pp. 93–182.
- Meilakh, M. (1990), “‘Amor de lohn’. The Distant Love of Jaufré Rudel: Towards the history of the interpretation of the medieval poet’s image”, in *Res philologica. Filologičeskije issledovania. Pamiati akademila G.V. Stepanova* [Res philologica. Philological Studies. In memory of Academician G.V. Stepanov], Nauka, Moscow, Leningrad, Russia, pp. 344–402.
- Paterson, L. (2018), *Singing the Crusades. French and Occitan Lyric Responding to the Crusading movements 1137–1336*, D.S. Brewer, Cambridge, UK.
- Spitzer, L. (1944), “L’amour lointain de Jaufré Rudel et le sens de la poésie des troubadours”, *Studies in the Romance Languages and Literature*, vol. 5, pp. 1–74.

Информация об авторе

Светлана И. Лучицкая, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а; svetlana-luchitskaya@yandex.ru

Information about the author

Svetlana I. Luchitskaya, Dr. of Sci. (History), Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; svetlana-luchitskaya@yandex.ru